

НОВАЯ ФАНТАСТИКА
ВОЗВЫШЕНИЕ

АНДРЕЙ РЫМИН

ТОНЖИРАТЕЛЬ
ДРЕВО

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р95

Серия «Новая фантастика. Возвышение»

Серийное оформление Анны Сазоновой

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Рымин, Андрей Олегович

Р95 Древо. Пожиратель / Андрей Рымин. — Москва :
Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2023. — 352 с. — (Новая фантастика. Возвышение).

ISBN 978-5-17-154406-5

Когда ты жирный настолько, что почесать спину уже испытание, то оказаться в теле красавчика, на которого девчонки пачками вешаются, — выглядит просто подарком небес. А если он еще и наследник могучего клана, и воин, и маг, и внушает страх всем и каждому?

Не ведись. Это полная задница! Этот родовитый мудака до- ставит тебе столько проблем, что запаришься разгрести. За- говор, обиженная любовница, армия злопыхателей и завист- ников, конкуренты, враги, чудовища, отчего-то стремящиеся во что бы то ни стало тебя сожрать. А хуже всего то, что ты ни хрена не знаешь об этом мире и о парне, чью тушку занял. Ты не знаешь ничего и никого. А тебя — Рейсана Рэ по прозвищу Душегуб — знают все.

Добро пожаловать в академию, Саня! Ты реально попал.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-154406-5

© Андрей Рымин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Интерлюдия 1

В белой пустоте междумирья.

— Пусть будет этот.

— Этот? Ты издеваешься? Выбери кого-нибудь попроще. Этот толстяк ни на что не способен.

— Нет. Я хочу этого. Легкая победа — так себе удовольствие. Я хочу насладиться местью сполна.

— Победа с этим убожеством? Ты в своем уме?

— Отвечу тебе поговоркой этого мира — о конфете по обертке не судят.

— Смешно. Не мне тебе объяснять роль внешности в формировании личностных качеств. Этот — не победитель.

— Ты способен заглядывать в душу? Если так, научи.

— Передумай. Второго шанса не будет. На кон поставлено слишком многое!

— Я выбрала.

— Упрямство, достойное... Ты в своем праве. Выбор принят.

— Создатель сущего нам свидетель. Начнем!

Глава первая

ТЯЖЕЛА ЖИЗНЬ ЖИРДЯЯ

Август. Пекло адское, сушит, капец! Долбаная амброзия высосала весь мозг. Сопли, слезы ручьем, пот рекой, дышать нечем, давление выше, чем у бабули. А она с группой по инвалидности, сердечной недостаточностью и после пары инфарктов. И еще ей семьдесят два, а мне девятнадцать. Была бы возможность, сваливал бы на этот месяц из Краснодара в тайгу. Или в Абхазию, что хоть и другая страна, а гораздо ближе. С моими-то аллергией, диабетом и ожирением третьей степени сидеть на этой сковородке — реальный риск. И если бы я просто сидел...

На улице тридцать семь, внутри маршрутки — все сорок. Урвавшей местечко возле открытого окна старушечки в цветастом платке небось хорошо. А я в серединке. Мне и из люка не дует, и дым от водиловой сигареты весь мой. И хоть бы одна сука меня поддержала, когда я ему вежливо намекал, что курение в общественном транспорте недопустимо. Молчат, ссыкуны, делают вид, что им в кайф это нюхать. На камеру, что ли, заснять? Так ведь высадит, быдлофан престарелый.

Одна радость — у девки напротив такой вырез, что дыньки на каждом ухабе пытаются выпрыгнуть из-под полупрозрачной ткани, где их кощунственно прячут. Такие прелести ни один лиф не удержит. Да его там, кажись, и нет. Размер пятый — не меньше. Такими буферами десятков малых деток можно выкормить. Вот бы помазать...

Размечтался, убогий. Куда мне к такой цыпе яйца катить. Тут бы кто из ровесниц не то что дал

за грудь подержаться, а хотя бы взглянул с интересом. На неполные сто восемьдесят сантиметров роста почти полтора центнера веса — не самое сексуальное зрелище. Вместо кубиков на прессе складки, куда можно пивные банки прятать. Реально можно — я пробовал. Зад ни в одни штаны не влезает. Даже магазин «Одежда для больших» пасанул. Приходится под заказ шить. И это я не говорю про три подбородка, что трясутся на кочках не хуже тех дыnek.

В общем, красавец-мужчина. Спасибо родителям, что сами, будучи весьма не худыми, решили подарить свету еще одного «миленького поросеночка». Эх, мама, мама, — земля тебе пухом, небо сахарной ватой, — видела бы ты, как твоему поросеночку «сладко» живется. Уж сам-то я давно для себя решил, что лучше возьму из детдома какого-нибудь чужого малька на усыновление, чем сотворю еще одного горемычного слоника, что изо дня в день будет мучиться со своими, вернее моими, хреновыми генами. Благо что не долго. Мать-то погибла в аварии — тут неизвестно, сколько ей боженька отмерил, а вот батя по сердцу, в неполные сорок инфаркт. Но он и массивнее был. Самые жирные гены по его линии мне передались. Бабушка, вон, и вовсе ничего — слегка полновата, не более. Потому и живет так долго.

Но я не в бабулю пошел. Да и ладно внешность — это еще полбеды. Запах — вот мой главный бич. Сколько «акса» на себя ни вылей, сколько «фруктиса» в волосы ни вотри, а вонять будет, один хрен, хомячками — так я свой фирменный фан называю. С юморком... Рыдать хочется от такого убогого юморка. Хотя звучит лучше, чем кошачьи ссаки.

Одна маленькая девочка пару недель назад в такой же, если не в этой же самой маршрутке со всей своей детской непосредственностью громко спросила:

— Дяденька, на вас киса написала?

Ага, киса. Гребанный тигр всего обоссал. Только-только рубашка подсохла. Разве же я виноват, что мой пот так отвратительно пахнет? Я, что ли, специально? А потею я, сцуко, всегда. И в дождь, и зимой, и раздетый. Но летом сильнее, конечно. Вот сейчас в чёботы натекло по пол-литра на каждый. Руки мокрые, рожа блестит. Какое там дыньки помазать. Тут бы «доброе» слово не прилетело, и уже хорошо. Вон как носиком крутит. Имеется нюх у бабы. У всех, кто меня окружает, имеется. И нюх, и глаза, и уши. Голосок-то у меня тоже премьерский — тоненький, словно у киношного внуха, и с моей мегатушей совершенно не вяжется.

Но что это я все о грустном да о грустном? Подумаешь, жара, подумаешь, слезы из глаз, сопли из носа. Человек — тварь живучая, ко всему привыкает. И я со своей долей тоже свыкся давно. Жирный, воняю... и что? Главное — башка варит, как большинству и не снилось. На потоке я лучший. Профессора в рот заглядывают. Первый курс на пятерки закрыл. Все зачеты на автомате. Миром правит не красота. Капитализм у нас победил? Победил. В почете власть и бабло.

Причем одно всегда тянет другое за собой, с какого конца ни возмись. Блата и связей у меня нет, но достигнуть высот сейчас и без них вполне можно. Карьеру я себе в какой-нибудь корпорации обеспечу башкой и упорством. Последнего у меня тоже с избытком. Да и с людьми при всех своих

физических недостатках нормально схожусь. Давно для себя уяснил, что добыть уважку в моем положении можно только через язык и смелость.

Смеются? Да пофиг. То есть нет, но я никогда виду не покажу, что словами меня можно задеть. Я сам над собою шучу лучше всех. И отказы. Главное — не бояться отказов. Я к кому угодно легко могу подойти и спросить что угодно. Стеснительность — для обычных парней, а я, сцуко, особенный! Оно ведь прикольным толстяком в сто раз круче быть, чем толстяком замороженным.

— Попу, как у Ким. Попу, как у Ким...

Мля! Забыл в маршрутке мобилу на вибро поставить. Кому там нейметса?

— Привет, ба.

— Санечка, едешь уже?

— Ага, в тридцать девятой. По Октябрьской, Сенной проезжаю. Купить что?

— Да, котя. Зайди в овощную. Возьми картошки немного. Я тебе на сбер денюжку скинула.

— Хорошо, возьму.

Продвинутая у меня бабуля. Наликом с моей подачи совсем пользоваться перестала. Но каждый рубль считает. Раз скинула столыжник, на всю сумму придется грести. Это кило пять точно потянет — мы только самые дешевые продукты берем. Пенсия плюс стипендия — так себе доход на двоих, когда один из этих двоих жрет, как лошадь. И дело не в булимии. Я бы и рад на какую диету подсесть, но чертов организм протестует — попробуй калорий не добрать, сразу криз словишь. Упадок сил и все такое прочее. Приходится хлебные единицы считать... Диабет, сцуко. Ну его нафиг!

— На Монтажников остановите, пожалуйста.

Приехали. Фестик — мой район. Выбраться из маршрутки — отдельное приключение. Тут всем между дверью и мной либо выскакивать, либо плющиться. Разойтись кораблями в океане не вариант. Четверых стоячих и одного сидячего пришлось выдворить. Мля... Я думал, внутри жарко, а снаружи вообще пипец. А мне до светофора на Табрисе, потом через Тургенева и по Атарбекова еще метров триста. Я крикну. Реально крикну.

Дошел. С остановками, с передышками, с тенистой лавочкой в сквере, но я это сделал. Теперь только к тете Карине за картофаном, и можно до хаты. А там сплитяра... Там телек и мой козырный, продавленный чуть ли не до ножек диван. Бабуля небось борщеца наготовила — знает, что уставшему внуку нужно для счастья.

В цоколе прохладно. Кайф...

— Теть Карин, насыпьте вот этой на столык.

Добродушная армянская женщина, что у нас в доме овощами монополизничает, сколько себя помню, принялась шустро накидывать немытую картоху в бесплатный пакет.

— Вот, Саша. Для тэбя по васемнадцать. Никифаравне привэт. Ты телэфоном? Сюда вот.

Номер, накорябанный черным фломастером на мятой картонке, был лишним. Типа, у меня в записной ее нет. А кулек-то тяжеленький. Попрощался — и скорее ко входу в подъезд. Сплитяра, встречай — я иду!

Железная дверь, скрипя, отошла в сторону. Одиннадцать ненавистных ступенек — и вот я на площадке первого этажа. Какого... Желтый огонек на стене — это плохо. Это очень плохо! Это значит, что какая-то сука сломала наш старенький лифт.

Что за день-то сегодня такой? Записка от старшей по дому уже висит. Ну-ка, узнаем свой приговор. Так и есть — починить обещают лишь вечером. Это конец! Я же сдохну от голода, я же испарюсь в ноль, сидя на лавочке у подъезда. На калечной, перекобоченной лавочке, на которую помещается только треть моей задницы. Возвращаться в сквер? Ну уж нет! Я хочу жрать! Я хочу на диван и под сплит! Я сделаю это!

На второй этаж «залетел» на эмоциях. К третьему брел тоже бодро — по ступени на шаг. А вот к четвертому уже выжег адреналин в крови начисто и запыхтел умирающим паровозом. Закинуть правую ногу, завалиться на перила, подтянуться немного, поднатужиться... вторая нога. Круг замкнулся. Теперь очередной набор пыток в той же последовательности. И так снова, снова и снова.

Ну на кой, спрашивается, пожилой женщине и слоняре вроде меня нужна квартира на девятом этаже? Вот сколько раз просил бабулю поменять эту хату на что-нибудь пониже. Вид на город? Отсутствие соседей сверху? Память, привычка, приросшая к полу за многие годы мебель? Да пошло оно все! Я не хочу! Я не могу взбираться на такую высоту по ступеням! Тем более с чертовой картошкой, которая с каждым шагом становится все тяжелее.

К седьмому этажу я проклял всех, кого знал и о чьем существовании только догадывался. К восьмому же полностью перестал осознавать происходящее и, словно робот на садящейся батарееке, упрямо полз вверх, ничего не видя вокруг. Полиэтиленовые ручки пакета стальной проволокой вгрызлись в ладонь, но я не чувствовал боли.

Я вообще уже ничего не чувствовал и не замечал: ни дрожи в ногах, ни барабана в груди, в который превратилось мое многострадальное сердце, ни нарастающего гула в ушах, ни красной пелены, сгущавшейся перед глазами. В воспаленных мозгах крутились только три образа: сплит, диван, борщ, сплит, диван, борщ.

Осмысление снизошло на меня, лишь когда впереди, наконец, показалась заветная дверь с блестящей табличкой «31» на коричневой потертой обивке. Не веря своему счастью, я нечленораздельно взревел и напряг все, что можно было напрячь, начиная финальный рывок. Это усилие окончательно меня и добило.

Грудь прожгло нестерпимой болью. К горлу подкатил ком. Стало нечем дышать. Картинка перед глазами поплыла, и я почувствовал сильный удар в затылок. Кажется, я упал. Со всего размаха назад — башкой о бетон. Тук, тук, тук — мячиками попрыгала, покатила картошка вниз по ступеням. Песец...

Дальше по очереди пропали: боль, слух и зрение. Мысль «Я умер» сменилась отчаянным: «Бабушка, как же ты без меня!» И маленький, пусть и размерами большой человек по имени Александр Углов перестал существовать в этом мире.

* * *

Я открыл глаза. Или мне показалось, что я это сделал. Где я? Разлившаяся вокруг белизна ослепляла. В бескрайней пустоте ни единого цвета. Только белое сплошное ничто. Даже собственного припухшего носа не видно, как и рук, ног, живота и из чего там я еще состою. Осязание тоже отсут-

ствуется. Ощущение, что куда-то лечу, но ни ветра на коже, ни легкого свиста в ушах. Тишина абсолютная. Страшно.

Пытаюсь закричать с перепугу. Ничего не выходит. Пробую дернуться. Фиг там. Я бесплотный дух, я могу только мыслить. Могу мыслить? Так это прекрасно! Страх как рукой сняло, и на его место пришло облегчение. Кто там из великих изрек знаменитое: «Я мыслю, следовательно, я существую»? Да поспать! Мужик прав! Сто раз прав! Смерть — еще не конец. А я, дурень, не верил. Атеист, так меня перетак! Каюсь, во всех грехах каюсь. Рай, ад, перерождение в дерево, в слизняка... Я на все согласен, лишь бы существование продолжалось. Я слишком мало пожил...

Что это? Впереди словно из ниоткуда появляется человеческая фигура. Парень, лет пятнадцать-шестнадцать, совсем мальчишка. Но мальчишка серьезный. Смотрит исподлобья, губы сведены в пренебрежительной ухмылке, породистый острый нос гордо вздернут, руки крест-накрест лежат на груди. Крутого из себя строит. Хотя, может, и правда крут. В глазах ни страха, ни удивления.

Стоп! Так он, походу, не видит всей этой бескрайней бяляшки. Слишком уж осмысленно водит взглядом по сторонам. Его словно из кадра выдрали и впихнули сюда. Типа голограмма принцессы Леи на полу корабля повстанцев. Значит, и меня для него здесь нет. Хотя меня нет и для себя самого, так что это нормально. Можно пялиться внаглую. Тем более что посмотреть есть на что — крайне необычный пацан.

Довольно высокий для своих лет, худощавый, но вовсе не дрищ. Открытые руки бугрятся конкретной

мышцей. Гимнаст, что ли? Черная безрукавка сливается с широкими, подвязанными на щиколотках штанами в единое целое. Забавный прикид — чем-то на японское кимоно смахивает. Пояс широкий: кожаный, с кучей петелек и металлической бляхой по центру. По бокам висят ножны, с торчащими из них рукоятями не то длинных ножей, не то коротких мечей — в полтора локтя каждый. Обувь напоминает смесь чешек и мокасин — легкая, мягкая. На запястьях браслеты, стальные, широкие. Небось, весят каждый по паре кило. Какой-то анимешный барчук, только рожей на азиата не тянет: ни на мультяшного, ни на настоящего узкоглазого.

Скорее, на испанца похож. Чернявый, смуглый, с правильными чертами лица. Этаким юный Бандерас. Красавчик, чего уж там. За таким бы у нас в универе девчонки бегали однозначно. И рожа наглая — уверенностью от пацана так и прет. Явно за словом в карман не лезет.

Причем чудной причесон образ борзого мачо только подчеркивает. Вздыбленная длинная челка переходит в пышную шевелюру черных волос, словно уложенных гелем. Виски выбриты, что придает лицу дополнительной худобы. С затылка же свисает причудливая косичка, собранная из нескольких прядей. Жертва стилиста-кошплеера. Небось, стрижка в нехилую сумму выходит.

О чем это я? Какие стилисты и стрижки? Лечу духом незнамо где и думаю о всякой хрени. Почему мне вообще показывают этого пацана? Кто он? И кто те, что показывают? Неслучайно же меня несет прямо к нему. Подлечу, и что дальше? Парень должен мне что-то сказать?

«Эй, пацан!» — хочу крикнуть, забыв, что у меня здесь нет голоса.

Я уже рядом, но парень по-прежнему не замечает меня. Шагнул влево и протянул руку к чему-то невидимому. Он там, в своем мире. Сейчас пролечу сквозь него, и мы навсегда распрощаемся. Десять метров, пять, три... Я так близко, что могу во всех подробностях разглядеть гравировку на поясной бляхе. Кулак. Просто кулак — с выпуклыми костяшками и ступеньками из фаланг пальцев. Герб, эмблема... Не важно. Мой путь лежит дальше — сквозь тело парнишки, что заслонило собой весь обзор.

Темнота. И тут же калейдоскоп красок перед глазами. Где я? Какая-то комната. Обитые деревянными панелями стены, высокий потолок: серый с коричневой окантовкой, белый матовый шар, типа люстры, паркетный пол, огромное, забранное тяжелыми зелеными шторами окно, две двери. Из мебели: четыре кровати, столько же стульев, тумбочек и столов, два больших шкафа, один просто гигантский шкаф и несколько полок с крючками. Похоже на номер в отеле. В очень хорошем отеле. Никакого тебе ДСП, только натуральное дерево, все ручки блестят то ли медью, то ли бронзой — я в этом не шарю, — белье на постелях чистейшее, выглаженное. Даже обитый кожей небольшой сундук, стоящий возле одной из кроватей, выглядит дорого.

Темновато. Надо бы пошире распахнуть шторы. Подумал и шагнул к окну, протянул руку...

Опа! Так я снова в теле! Только оно ни фигу не мое! Легкость в каждом движении. Ни привычной одышки, ни трясущегося желеобразного живота, ни